

Научная статья
УДК 342.725
doi: 10.20323/2658-7866-2022-1-11-23-45

**Советская политика «коренизации»
и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси**

Светлана Александровна Колода

Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Юго-Западного университета КНР, г. Чунцин.
sveta_koloda@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

Аннотация. На состояние и функционирование языков в государстве влияет языковая политика, которая является неотъемлемой частью национальной политики многонациональных государств. Опыт языкового строительства в Беларуси демонстрирует уникальную для пост-советских стран ситуацию, когда два государственных языка, белорусский и русский, используются в условиях диглоссии. Однако такая особенность языковой ситуации является результатом достаточно длительного периода развития белорусского языка и нахождения современных белорусских территорий в составе разных государств: Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и СССР. Автор статьи проводит анализ специфической языковой ситуации в Республике Беларусь и акцентирует внимание на историческом анализе предыдущего опыта языковой политики в период СССР. Описываются подходы и результаты белорусизации в области языковой политики. В статье рассматривается национально-культурная политика в БССР как часть советской политики «коренизации», но со специфичными для славянских народов целями и условиями ее проведения. Политика и ее дальнейшая трансформация в значительной степени повлияли на функционирование белорусского языка не только во все последующие годы советского периода, но и оказывают существенное влияние сегодня. Существование двух орфографических норм современного белорусского языка и смешанного варианта белорусско-русского языка препятствует активному развитию национального языка Беларуси. Несмотря на то, что оба языка, белорусский и русский, имеет по Конституции равные права в Республике Беларусь, в официальном и бытовом общении граждане страны отдают предпочтение русскому. При этом на дальнейшее развитие и статус национального языка негативное влияние оказывают белорусские народные говоры и вариативность белорусского литературного языка.

© Колода С. А., 2022

Ключевые слова: языковая политика; языковая ситуация; белорусский язык; русский язык; языки национальных меньшинств; национально-культурная политика; СССР; Белорусская Советская Социалистическая Республика; Республика Беларусь

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Колода С. А. Советская политика «коренизации» и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 23-45. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-23-45>

Original article

Soviet policy of “indigenization” and its influence on the language situation in Belarus

Svetlana A. Koloda

Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of Foreign Languages, Southwest university in Chongqing. China.

sveta_koloda@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8482-1524>

Abstract. The state and functioning of languages in the state is influenced by the language policy, which is an integral part of the national policy in multinational states. The experience of language building in Belarus demonstrates a situation that is unique for the post-Soviet countries, when two state languages, Belarusian and Russian, are used in conditions of diglossia. However, this specific linguistic situation is the result of a fairly long period of the Belarusian language development and the fact that modern Belarusian territories were part of different states: the Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth and the USSR. The author analyzes the specific language situation in the Republic of Belarus and focuses on the historical analysis of the previous experience of language policy during the USSR period. The approaches and results of Belarusianization in the field of language policy are described in the article. The author considers the national and cultural policy in the BSSR as part of the Soviet policy of “indigenization”, but with goals and conditions specific to the Slavic peoples. This policy and its further transformation significantly influenced the functioning of Belarusian not only for all subsequent Soviet years, but also has a considerable impact today. In fact, the existence of two spelling norms of the modern Belarusian language and a mixed version of the Belarusian-Russian language, hinders the active development of the national language of Belarus. Despite the fact that both languages, Belarusian and Russian, have equal rights in the Republic of Belarus

under the Constitution, both in official and in everyday communication, citizens of the country prefer Russian. At the same time, the Belarusian folk dialects and the variability of the Belarusian literary language have a negative impact on the further development and status of the national language.

Keywords: Belarusian language; Russian language; languages of national minorities; national cultural policy; language policy; language situation; URSS; Belarusian Soviet Socialist Republic; Republic of Belarus

This article has been prepared as part of the work of Center for Studying Russian-Speaking Countries (CSRC) at Southwest University of China, the Ministry of Education of the People's Republic of China

For citation: Koloda S. A. Soviet policy of “indigenization” and its influence on the language situation in Belarus. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 1(11):23-45. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-23-45>

Белорусская социолингвистика – одна из малоизученных областей белорусистики, особенно по сравнению с общим количеством исследований, посвященных различным аспектам белорусского языка. Внешняя стабильность языковой ситуации в современной Беларуси, отсутствие конфликтов на языковой почве, достаточно благополучное сосуществование и функционирование белорусского и русского языков, связаны не только с советским, но и с более отдаленным историческим прошлым страны. Реальная языковая ситуация является результатом языковой политики государства. Языковая политика, в свою очередь, составляет важнейший компонент национальной политики в многонациональных государствах и благодаря этому становится системообразующим фактором, определяющим общественные и политические процессы в той или

иной стране, отсюда обратное воздействие языковой политики на государство. Поэтому так важно понимать как языковая ситуация, ее изменение в результате языкового планирования может повлиять на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Языковая ситуация в современной Беларуси не является столь напряженной и взрывоопасной как в соседней Украине. Не было на протяжении всей, пусть и не очень долгой, истории Республики Беларусь значимых межнациональных или межрегиональных столкновений на языковой почве как это можно было наблюдать после распада СССР: открытые языковые конфликты (Молдова), латентные национально-языковые конфликты в Эстонии, Латвии, Литве, Украине и других союзных республиках бывшего СССР. Но при этом в разные годы на белорусских террито-

риях официальными или государственными провозглашались разные языки: русский и старобелорусский (как язык деловых бумаг) – в Великом княжестве Литовском (*далее ВКЛ*), польский – в период Речи Посполитой, русский, белорусский, польский и идиш – во время Белорусской ССР (БССР), и наконец, белорусский и русский – в современной Республике Беларусь (*далее РБ*). Тем более интересным становится опыт белорусской языковой политики и особенности языкового строительства на современном этапе. Проследить этот опыт нам кажется перспективным не только в синхроническом, но и в диахроническом аспектах.

Цель статьи – провести анализ основных этапов и результатов языкового строительства в Белоруссии в период реализации национально-культурной политики в СССР в 20-30-е гг. XX в. и проследить влияние языковой политики периода «коренизации» на становление языковой ситуации в современной Республике Беларусь.

Белорусский язык (*далее БЯ*) – один из трех восточнославянских языков. Государственный язык Республики Беларусь (наравне с русским). Также он является вспомогательным языком в некоторых муниципалитетах Польши. Общее число говорящих на нем составляет около 7–8 млн чел. Предком белорусского современного языка являются народные говоры, на которых говорили обычные жители тех земель –

крестьяне. Самоназвание у него было «прóстая мова». На его основе в конце XIX – начале XX века был создан современный литературный белорусский язык. Впервые официальное признание современный белорусский язык приобретает в Белорусской Народной Республике (БНР), которая существовала на части территории современной РБ с 25 марта по 3 декабря 1918 г. БЯ сформировался относительно недавно, во второй половине XIX века. Первая грамматика этого языка была создана 1918 г. в Санкт-Петербурге университетским преподавателем древнегреческого и латинского языков Брониславом Тарашкевичем. Особенностью современного языка является неустойчивость его литературных норм. Это связано с наличием двух вариантов литературного языка и орфографии, так называемой тарашкевицы – варианта белорусского языка в области нормы, официально действовавшего до реформы 1933 г. и второго варианта, реформы языка, осуществленного в 1933-1957 гг. Официально тарашкевица в Беларуси не признана, но многие пишущие на ней авторы, полагают, что она лучше отражает специфику белорусского языка. Часть белорусской интеллигенции осуждает реформу правописания 1933 г. и критически относится к нормам современной белорусской орфографии. В последнее время происходит расшатывание литературной нормы и в самой Белоруссии, как под воздей-

ствием тарашкевицы, так и из-за отсутствия достаточного контингента постоянных носителей этой нормы [Падлужны, 1998]. В ситуациях повседневного общения БЯ в дореформенном варианте используется очень малочисленной группой людей, главным образом потомственных горожан с высшим образованием [Лисковец, 2006]. В иных слоях населения БЯ используется главным образом в форме различных диалектов, активно применяемых в сельской местности. Б. В. Коряков также отмечает, что белорусский литературный язык отличается существенной вариативностью, что связано как с относительно недолгой историей языка, так и с опорой на диалекты [Коряков, 2020a].

Языковая ситуация в Беларуси интересна во многих аспектах. Во-первых, это единственное постсоветское государство, где русский язык признан государственным наравне с национальным языком, во-вторых, для многих жителей Беларуси характерна тенденция в определении национальной и языковой самоидентификации по разным этническим проявлениям, то есть родным языком они признают белорусский, но в коммуникации используют чаще русский (в официальном и бытовом общении) либо пользуются «трасянкой» (в семейном и неофициальной сферах). По данным переписи населения 2019 года, 5 094 298 жителей Беларуси указали в качестве родно-

го языка белорусский и 3 983 765 – русский [Белстат].

Присоединяясь к мнению Юйций Пань и А. А. Лукашенец, отметим уникальность современной языковой ситуации в Беларуси [Пань, 2021]. Характерными особенностями ее является то, что, во-первых, государственное двуязычие при наличии превосходящего большинства титульной нации (84,9 % населения – белорусы по национальности); во-вторых, государственными являются близкородственные языки одной языковой группы; в-третьих, отсутствие одноязычных анклавов; и наконец, значительное преобладание во всех сферах общения русского языка над языком титульной нации, белорусским. При этом в стране не наблюдается сколько-нибудь существенных проявлений «языковых войн» или общественных и гражданских противостояний на языковой почве. Попробуем разобраться, что лежит в таком особенном языковом сознании белорусов и как повлияли на такую языковую ситуацию предшествующие этапы развития языка и предыдущего языкового строительства, осуществленного в СССР.

В данной статье под языковой ситуацией мы понимаем «... лингвогеографическое единство идиомов, которые соприкасаются в границах социума и взаимодействуют между собой, и функциональные отношения между этими идиомами на определенном этапе существо-

вания данного языкового сообщества» [Беликов, 2001, с. 26].

Согласно статье 2 обновленного закона «О языках в Республике Беларусь», государственными языками республики являются белорусский и русский языки. «Русским свободно владеет до 80 % населения, на русском языке выходит основная часть газет и журналов, у русскоязычных изданий и наибольшие тиражи» [Арефьев, 2012, с. 40]. По данным Национального статистического комитета Белоруссии, в 2016 г. издано 7,6 тыс. книг и брошюр общим тиражом 17,1 млн экземпляров. БЯ используется в ряде СМИ (особенно в материалах, посвященных истории, краеведению, культуре Белоруссии), в художественной литературе. Литература на белорусском языке занимала в 2016 г. только 11,7 % в общем количестве выпущенной в республике издательской продукции и 16,2 % в ее совокупном тираже [Турчина]. Обязательным является его изучение в системе среднего образования. Существует возможность получения образования на БЯ на всей территории страны. Однако ситуация с высшим образованием на белорусском языке гораздо хуже: «... белорусский является языком обучения только на факультетах и кафедрах белорусского языка и литературы. На всех остальных факультетах преподавание ведется по-русски» [Коряков, 2002, с. 120].

Среди основных национальных групп белорусский язык наиболее распространён среди поляков (40,9 % используют в быту белорусский язык, а 50,9 % используют русский язык) и белорусов (23,4 % / 70,2 % соответственно). Наименее белорусский распространён среди евреев (2,0 % / 95,9 %) и русских (2,1 % / 96,5 %) [Население ... ; Белстат]. В том или ином виде белорусы используют языки стран-соседей: Украины, Польши, Литвы. Большинство представителей национальных меньшинств (кроме украинцев, поляков, евреев, татар и литовцев) вообще не использует белорусский язык в бытовом общении [Население ...]. Кроме русского и белорусского в РБ наиболее употребляемым является польский язык. И хотя он не имеет официального или регионального статуса, но используется в СМИ, открыты также школы с польским языком обучения. Украинский и литовский языки имеют распространение локально в отдельных областях республики.

Победившие в революции 1917 г. и в последующей гражданской войне большевики, в целях закрепления своей власти в национальных республиках и привлечения на свою сторону местного населения, провозгласили программу «коренизации». Одной из ее целей была замена русского языка на национальные в работе административных органов, в сфере образования и культуры. Также стави-

лась задача назначения на местах во всех органах власти национальных кадров или представителей титульной нации, но таких, которые бы хорошо владели национальным языком. Перед русскоязычными коммунистами, работавшими в национальных республиках, ставилась задача овладеть местными языками и отказаться от русского [Алпатов, 2015]. Ярким примером такого руководителя высшего органа власти был, назначенный в 1925 г. И. Сталиным на должность руководителя парторганизации Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), Лазарь Каганович. Он сразу проявил себя как сторонник активного проведения украинизации и именно при нем «украинизация по декрету» стала практической [Борисёнок, 2021]. Сам Л. Каганович, не владевший до своего назначения украинским языком, хорошо его выучил и настаивал на том, что все члены ВКП(б), работающие на Украине, должны им владеть. Именно при нем украинский язык утвердился в республике в статусе государственного. Этот язык многие не любили, не признавали родным, но учить и употреблять его вынуждены были все. Ведь замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» немедленно увольнялись. Именно в УССР в значительной степени проявился противоречивый характер национальной политики «коренизации». Это отразилось также и в языковой политике.

«Языковая политика периода коренизации являлась производной советского государственного устройства – провозглашения равноправия этносов в советской федерации, с одной стороны, и необходимости межэтнической коммуникации в полиэтнической социокультурной среде в рамках единого государственного пространства, с другой» [Борисёнок, 2017, с. 145]. Суть «коренизации», провозглашенной XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г. официальным курсом партии, заключалась в создании национальных элит и поддержке национальных языков и культур. Обратной стороной этого процесса зачастую становилось развитие дискриминационных практик по отношению к русским [Григорьев].

Политике «коренизации» даются очень разные оценки, даже прямо противоположные. Так, В. Б. Ласточкина считает, что советская политика «коренизации», проводимая в 20-е годы XX в., была направлена на исправление царского курса на русификацию, однако она не обошлась без перегибов и имела негативные последствия, вплоть до того, что через 70 лет привела к распаду СССР [Ласточкина, 2016]. Китайский ученый, ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук Лю Сяньжун пишет, что «советский опыт национальной политики не успешен, он отнюдь не нашёл способ, каким об-

разом укрепить и развить многонациональное государств...» [Лю, 2014, с. 48]. При этом он справедливо отмечают, что национальная политика советского государства этого времени получила высокую оценку у зарубежных ученых и советских диссидентов [Лю, 2014]. Немецкий исследователь А. Капеллер называет ее «золотым веком» советской национальной политики [Капеллер, 2000]. Многие исследователи отмечают, что в плане развития национальных языков и культур, становления высшего образования на национальных языках, появления алфавитов и развития письменности для языков, ранее ее не имевших, именно политика «коренизации» и связанное с ней языковое строительство в СССР оказало глубокое позитивное влияние на все сферы экономики и культуры в национальных республиках. Однако, недостаточно глубокое изучение специфики социальной и национальной жизни в разных республиках СССР, отсутствие у советских руководителей глубокого анализа происходящих процессов, отказ от привлечения ведущих специалистов к этой работе и их замена на неподготовленных идейных сторонников «линии партии» привела не только к перегибам, но и значительным ошибкам, давшим отголоски уже в современной истории постсоветских стран.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать «коренизацию» не как программу, а как

«кейс» с несколькими программами, где программы в отношении восточных славян отличны от таковых в отношении неславянских народов [Васильев, 2016]. Нам кажется это целесообразным, особенно в отношении языковой политики в БССР и УССР в 20–30-е гг.

Языковая политика как проводник большевистских идей и средства воздействия на многоэтничный социум являлась важнейшей частью советского национального проекта. Под термином «языковая политика» мы понимаем «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» [Словарь социолингвистических ... , 2006, с. 265]. Языковая политика советского государства стала, фактически, ведущим проявлением национально-культурной политики 20–30-х гг. XX в. в СССР. Как мы уже отметили, «коренизация» являлась кадровой политикой, заключавшейся в подготовке, выдвижении и использовании в национальных образованиях национальных кадров (в особенности из «титульных национальностей») для работы в государственных и общественных органах, в хозяйственных и культурных

учреждениях. Такая форма национальной политики руководства СССР была реализована во всех советских национальных республиках. Но для начала «коренизации» прессы и делопроизводства необходимо было иметь достаточное количество квалифицированных национальных кадров, владеющих языками национальных меньшинств и разделяющих идеологию правящей власти. Не менее сложной оказалась проблема наличия учительских кадров, способных проводить обучение на национальном языке в той или иной советской республике. Прежде чем открывать национальные школы, необходимо иметь достаточное количество учителей, а таковых не было. Следует отметить, что задачей развития национальных языков было также предоставление возможности каждому гражданину СССР обучения на материнском языке вне зависимости от того, где он проживает. В архиве журнала «Просвещение национальностей» есть статья в которой отмечается: «... ставилась задача создания национальных школ для белорусов Сибири, для украинцев и белорусов Подмоскovie» [Алпатов, 2000, с. 115–116]. Так, если в царской России в 1900 г. свыше 90 % учащихся начальных школ получали образование на русском языке, то в советской России уже в 1925 г. эта доля уменьшилась на 1/3, а использование национальных языков в образовании значительно расширилось. Русский при

этом не был обязательным предметом в школах с обучением на национальных языках. Определенных успехов по внедрению обучения на национальных языках удалось добиться, прежде всего в УССР и БССР. Хотя и стоили эти успехи очень дорого для представителей русской нации, проживающей в этих советских республиках.

Так, если в 1920/1921 учебном году 2/3 всех школьников на территории советской Украины обучались на русском языке и лишь 1/3 – на украинском, то в 1925/1926 учебном году это соотношение стало прямо противоположным. Ещё через два года (в 1927/1928 г.) доля учащихся, посещавших украинские школы, возросла до 78 %. В ряде городов с традиционно значительным преобладанием русскоязычного населения (например, Одессе и Мариуполе) все школы были переведены на украинский язык обучения. Параллельно сворачивалась подготовка школьных учителей русского языка и литературы: в 1933/1934 учебном году были закрыты последние русскоязычные педагогические техникумы [Арефьев, 2012]. В 1926 г. приграничные с УССР районы Брянской, Воронежской, Гомельской губерний также стали переходить на обучение на украинском языке.

По данным советских статистических отчетов, «... в 1925 г. в школах 1 ступени (1–4 кл.) на белорусском языке обучалось 241,2 чел.» [Статистический справочник СССР,

1927, с. 32-33]. Пиком обучения школьников на родном языке стал 1932 г., когда в советских начальных и средних школах преподавание велось на 104 языках, в том числе некоторых мировых. Например, в РСФСР насчитывалось 414 школ с преподаванием на немецком языке, на Украине – 628 немецких школ, на Дальнем Востоке (в Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Владивостоке) действовали более 20 китайских школ и один китайский педагогический техникум, а всего в учебных заведениях Дальневосточного края обучалось около 4 000 детей китайских мигрантов. Доля школьников, обучавшихся на русском языке в национальных республиках, резко снизилась (например, на Украине она составляла в 1931/1932 учебном году всего 15,6 %) [Арефьев, 2012].

Национально-культурное строительство БССР получило название «белорусизация». Не вдаваясь в подробный анализ целей, причин, механизмов, преимуществ и недостатков белорусизации в целом, остановимся только на тех причинах, которые, на наш взгляд, повлияли на изменение языковой ситуации в этой национальной республике. Через белорусизацию государственного аппарата большевистское руководство надеялось приобрести сторонников среди белорусских крестьян. Именно в этих целях политико-просветительскую работу среди крестьян было решено вести на белорусском языке. При том, что

белорусы были в значительном своем большинстве жителями сел. В то время как городское население было представлено, в основном, русскими, евреями, поляками и для них основным языком межнационального общения был русским, а в семейном и бытовом общении – свои национальные языки.

Осуществление национальной политики в БССР проводилось в русле решений РКП(б) с учетом белорусских особенностей. Июльским 1924 г. пленумом ЦК КП(б)Б была определена конкретная программа по ведению национальной политики партии в Белоруссии, главным ядром которой являлась политика белорусизации, утвержденная 15 июля 1924 года 2-й сессией ЦИК БССР в постановлении «О практических мероприятиях по проведению национальной политики» [Зеленкова, 2000]. Декрет 1924 г. объявил равноправие четырех основных языков республики: белорусского, русского, идиш и польского. Предусматривалось обеспечить организации работниками, владеющими языками национальных меньшинств, организовать ликвидацию неграмотности в области национальных языков, развитие образования на языках национальных меньшинств, перевод делопроизводство на языки национальных меньшинств, снабжение населения газетами на языках этих меньшинств. В новой газете на белорусском языке «Савецкая веска» должны были публиковаться материалы

на разных языках, а обязательные постановления – на четырех государственных языках одновременно. Символично, что на государственном гербе БССР с 1927 по 1938 гг. лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», был также написан на четырех языках республики одновременно. Т. И. Баталко отмечает, что политика белорусизации была необходима как для установления советской власти на территории БССР, так и для формирования национальной идентичности белорусов. Она дала возможность забытой и отсталой, в следствие долго включения Северо-Западных областей в состав Речи Посполитой и запрета на использование родного языка для реализации культуры и образования, нации приобрести свое первородное лицо. Это была первая значительная попытка духовного возрождения белорусов [Баталко, 2018]. Но просчеты в языковом строительстве, осуществляемые советской властью в 20–30-е гг. дали также определенный негативный эффект для дальнейшего развития языковой ситуации в Белоруссии. Жители этих земель постоянно на официальном уровне слышали русскую речь, русско-белорусские православные традиции, полуторавское совместное проживание двух славянских народов в одном государстве – Киевской Руси, усиленное распространение русской духовности царской властью на белорусских землях, вошедших в состав Российской империи в 1795 г. после

прекращения существования Великого княжества Литовского, имело решающее значение для языковой самоидентификации. Земли ВКЛ вошли в состав Российской империи как шесть губерний Белорусского и Литовского губернаторств. Эти территории также получили неформальное название Северо-Западный край. (Это название появляется при Николае I, запретившем использование названия Белоруссия [Пичета, 2016]). Все это стало объединяющими факторами для русской и белорусской духовной культуры. Многие историки указывают на такой факт, как не достаточный уровень национальной самоидентификации жителей этих территорий вплоть до XX века. В северных и восточных районах при ответе на вопрос о национальности многие сельские жители отвечали, что они «тутэйшыя», то есть «местные», при этом именно русский язык в официальной сфере довлел над ними. Но утверждение, что русский язык и русская культура полностью вытеснили белорусский, в корне не верны. Даже в тот период, когда территория белорусских земель была в составе ВКЛ, когда официальным языком был старославянский, когда в Речи Посполитой он был заменен на польский, культура народа все же оставалась национальной, белорусской. Она хранилась в устном народном творчестве, обрядах, традициях и в сохранении родного языка, пусть даже только в одной его форме – уст-

ной речи. Языковую особенность в Речи Посполитой на территории современной Белоруссии и Украины подчёркивал сотрудник Русского географического общества М. Лебедкин. Он писал: «Господствующим языком был русский, он сохранился до наших дней в этом крае в говорах белорусском и малороссийском» [Лебедкин, 1861, с. 137]. «Основным языком ВКЛ была прѳста мова (или русский язык). По отношению к современному белорусскому языку *прѳста мова* выступает как предшествующий этап его истории (по принятой в Беларуси лингвистической терминологии), а по отношению к современному украинскому как староукраинский литературный язык» [Мечковская, 2003, с. 23]. Если политика царской власти в вошедших в состав Российской Империи земель Речи Посполитой заключалась, преимущественно, в мерах по переходу населения из католицизма в православие, то большевики направляют свою деятельность в русло изменения языкового сознания, придавая языку некий атрибут веры. Таким образом, в период активного проведения белорусизации во второй половине 1920-х гг. отчетливо проявилось намерение властей Белорусской ССР приучить национальные меньшинства использовать, помимо родного языка, язык белорусский (но не русский). В этот период прослеживается тенденция расширения образования на языках национальных меньшинств.

В 1926/27 учебном году в республике было 439 русских школ из них 32 семилетних, 200 еврейских (53 семилетних), 136 польских (11 семилетних), 32 других национальностей (1 семилетняя); 1927/28 учебном году: 209 еврейских (61 семилетняя), 145 польских (2 семилетних), 136 русских (18 семилетних), 43 других национальностей (1 семилетняя) [Пушкин, 2018]. С целью подготовки кадров для национальных школ открывались польские и еврейские педагогические техникумы. Подготовку кадров для латышских национальных школ в БССР проводил Ленинградский педагогический техникум. Однако кадров все равно не хватало. Особенно не доставало их для развития национального образования в высшей школе и для формирования научной сферы на белорусском языке. Часто для решения этих задач, особенно для организационных процессов, привлекались кадры из Москвы и Ленинграда, которые не были этническими белорусами и не владели белорусским языком. Но при этом они очень ревностно относились к вопросу белорусского языкового строительства и внесли значительный вклад в развитие и становление белорусского языка как языка науки и образования. Примером может служить уже упомянутый нами В. И. Пичета, первый ректор Белорусского университета, имевший украинско-сербские корни. Важную роль в становлении Наци-

ональной академии наук, научных и высших учебных заведений БССР сыграли представители национальных меньшинств, проживавших в республике.

Главное место в структуре языкового взаимодействия в БССР принадлежало городам. Здесь языковая ситуация, помимо русского, была представлена иными языками. Большую часть городского населения Белорусской губернии составляли евреи, так как именно здесь проходила черта оседлости. В 1926 г. в городах проживало 63,3 % всего еврейского населения Белоруссии. Наибольшая концентрация евреев в городах в 1926 г. отмечалась в Минском (92,8 %), Витебском (93,1 %) и Гомельском (93,6 %) округах. [Розенблат]. Поэтому вполне естественно, что одним из государственных языков БССР был провозглашен еврейский язык – идиш. Кроме них, значительную часть населения городов составляли русские, поляки, немцы и их языки активно использовались в коммуникации, при этом языком межнационального общения был русский. После прихода советской власти и начала индустриализации, сельское население мигрирует в города. Перемещаясь в города, белорусы оказывались в русскоязычной среде и белорусский город так и не стал белорусскоязычным. В 1939 г. только 45,7 % городского населения назвало родным языком белорусский (белорусов в городах – 56,8 %), 38,8 % – русский (13,3 %),

12,9 % – еврейский (24,0 %), 1,8 % – украинский (3,2 %), 0,2 % – польский (1,3 %) [Национальный архив, л. 12]. Белорусские крестьяне в большинстве своем считали, что родной язык нужен для домашнего употребления, «здешних нужд и забав», а учиться нужно на «правильном» языке, который принесет больше пользы [Баталко, 2018]. Для них таким языком был русский и именно на нем они старались говорить, переезжая в город. Родители, продолжая говорить на родном белорусском, предпочитали дать детям образование на русском.

Прямого сопротивления новой национальной политике в области языкового строительства после окончания гражданской войны почти не было. Однако для ее проведения в Советской России, с 1922 г. в СССР было много объективных препятствий, из которых тогда всерьез осознавалось лишь одно: недостаточное развитие многих языков, часто не имевших ни письменности, ни стандартных норм. В некоторых национальных республиках «коренизация» шла достаточно благополучно, например, в Грузии и Армении из-за большей степени национальной однородности населения. В Средней Азии, например, Туркестане власти столкнулись с сопротивлением местного населения. Были и противники проводимого советским правительством языкового строительства. Партийный и административный аппарат советской Белоруссии также особо

не стремился к той степени коренизации, которая наблюдалась в УССР в эти же годы. Пропагандистские лозунги, перевод идеологии белорусизации исключительно в сферу образования и культуры привели к тому, что она пошла на самотек.

В марте 1933 г. нарком финансов республики А. Хацкевич, бывший председатель Нацкомиссии ЦИК БССР, признал, что по вопросам белорусизации и коренизации мы путались, «много глупостей наговорили, написали <...>, встречались с игнорированием, формальным отношением к белорусизации, т. к. в целом ряде учреждений перекладывали эту работу на машинисток...» [Национальный архив, л. 28, 30]. Процесс внедрения белорусизации в некоторых регионах также продемонстрировал пренебрежение реальной обстановкой и даже шёл вразрез с чаяниями национальных меньшинств посредством административных предписаний принудительного характера. Так, на выборах в Белорусской ССР жители примыкающих к РСФСР деревень выступили «против белорусификации школы». Некоторые еврейские деревни Смоленской области в 1927 г. выступали за то, чтобы официальные документы переводились на еврейский язык (*идиш* – С. К.), однако полагали, что сейчас это невозможно сделать [Ласточкина, 2016]. Отмечаются случаи откровенного саботажа как со стороны партийных работников, так и со

стороны школьных учителей и научной интеллигенции [Баталко, 2018].

Форпосты западнорусизма, очаги денационализации, города занимали позицию против повсеместного внедрения белорусского языка, в частности в системе образования. По свидетельству Владимира Ивановича Пичеты, основателя и первого ректора Белорусского университета, открытого в 1921 г. в Минске, даже сами белорусы были изначально против открытия национального университета, в котором преподавание должно было вестись на белорусском языке. Они считали, что белорусский язык недостаточно развит, чтобы на нем велось преподавание в высшей школе, а поскольку в университет были приглашены русские профессора из Москвы и Ленинграда, то и преподавание будет только на русском. Они настаивали, что для начала надо открыть начальные школы и строить национальную школу на этой базе. Тогда можно будет иметь кадры, которые знают национальный язык и университет будет действительно белорусским. Но сам профессор В. И. Пичета и его коллеги уже в 1923 г. начали читать лекции на белорусском, показав тем самым, что этот язык может выполнять все коммуникативные функции, в том числе быть языком науки. С этого момента «дело белорусизации быстро пошло» [Пичета, 2016, с. 50]. Постепенно в Минске и других городах открываются библио-

теки, появляется первый национальный театр, начинается развитие белорусской национальной литературы.

Начавшая давать определенные плоды система обучения на национальных языках была скорректирована во второй половине 1930-х гг. В. М. Алпатов совершенно справедливо подчеркивает: «Курс двух первых послереволюционных десятилетий, направленный на удовлетворение потребности идентичности всех народов, при всей своей привлекательности и гуманности противоречил объективной ситуации. На том уровне развития, на котором тогда находился СССР, потребность взаимопонимания была главной» [Алпатов, 2000, с. 97]. Основным языком межнационального общения в СССР должен был оставаться русский. При этом выпускники школ национальных республик, в том числе БССР и УССР, не знали русского языка в достаточной степени, чтобы продолжить обучение в вузах столицы и крупных городов. Но руководство страны не пошло путем признания собственных ошибок в целях и методах коренизации, а объявило национальные школы очагом «национально-буржуазного влияния на детей», тем самым давая свободу для жесткого искоренения теперь уже образования на родных языках.

Е. Ю. Борисёнок отмечает 13 марта 1938 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении

русского языка в школах национальных республик и областей», в котором подчеркивалось, что необходимость преподавания русского языка в школах национальных республик и областей диктуется тремя основными мотивами. Прежде всего, «... в условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту» [Борисёнок, 2017, с. 159].

В конце 1930-х годов был взят курс на русификацию образовательных учреждений, в связи с чем Совнарком принял постановление о постепенном переводе обучения на русский язык. Уже со второй половины 20-х гг. XX вв. начался процесс ее свертывания: борьба с «национал-уклонизмом», сужение границ инициативы в области национально-языкового строительства [Словарь ... , 2006, с. 98]. Протекционистские меры большевистского руководства предусматривали изменение статуса национального языка и культуры путем создания условий для их развития и внедрения в ранее недоступные сферы (в общественно-политическую жизнь, образование и науку, массовую коммуникацию и др.). Е. Ю. Борисёнок отмечает, что политика «коренизации» не только распространялась на «титильную» нацию той или иной республики, но и преду-

смаатривала меры по развитию культуры национальных меньшинств, причем осуществление прав национальных меньшинств велось в рамках создания особых национальных территориальных административных образований. Поддержка развития разных этносов и языков дополнялась сложной системой доминирования того или иного языка на определенном административном пространстве (национального сельсовета, района, республики, страны в целом) [Борисёнок, 2017].

В предвоенный период русские по национальности были прежде всего городскими жителями (в 1939 г. они составляли более 2/3 всех горожан). Это было связано во многом с процессами промышленного развития и более высоким уровнем образования и профессиональной подготовки русских по сравнению с целым рядом других народов СССР, находившихся на стадии доиндустриального общества. Белорусский оставался языком сельского населения, которое вплоть до 1970-х годов было большинством, но это было низкостатусное большинство. И, соответственно, после сворачивания советской политики «коренизации» и началом активной борьбы против национальной идеологии в том числе в русле языковой политики, белорусский язык постепенно утрачивает свои позиции и становится языком низкого статуса. В XX в. белорусские города уже были практически исключительно русскоязычными, что в значительной

мере негативно повлияло на распространение белорусского языка. В целом, после окончания Великой Отечественной войны в 1945 г. значимость белорусского литературного языка существенно снизилась, в том числе из-за кардинальной смены целей языковой политики, проводимой в СССР. Однако он не утратил своих функций во всех сферах коммуникации и имел достаточно сильные позиции в среде белорусской интеллигенции в советский период. В начале 1989 года была проведена последняя общесоюзная перепись населения, результаты которой стали одним из ведущих аргументов при проведении в Белоруссии языковой политики начала 1990-х годов. Согласно данным, 65,6 % населения Белоруссии назвали белорусский своим родным языком, а еще 12 % утверждали, что свободно им владели [Коряков, 2002, с. 199].

С началом «перестройки» в СССР наблюдался подъём интереса государства к белорусскому языку. 26 января 1990 г. был принят закон «О языках в Белорусской ССР», придавший белорусскому языку статус единственного государственного языка в Белоруссии. Закон о языке предполагал полный перевод документооборота на белорусский до 2000 г. Фактически, мы видим, что белорусская языковая политика этого периода начала строиться на четких национальных основах и потребности к возрождению белорусской национальной

идентичности. После победы А. Г. Лукашенко на президентских выборах 1994 г. и инициированного им референдума о придании русскому языку статуса государственного наряду с белорусским (предложение поддержали 83,3 % принявших участие в референдуме), это положение было закреплено в Конституции Республики Беларусь в 1996 году. В современной Белоруссии, на наш взгляд, представлена единая языковая ситуация с несколькими подситуациями. Основная подситуация включает в себя русский и белорусский языки и промежуточные между ними формы речи. Другие подситуации представлены такими типами:

– «... на западе страны: к основным языкам добавляется польский и различные диалекты;

– на северо-западе: к основным языкам добавляются литовские говоры;

– на юго-западе страны, в Западном Полесье, где место белорусского языка занимают полесские говоры, структурно приближающиеся к украинскому языку» [Коряков, 2002б, с. 6];

– значительная часть сельского населения и отдельные жители областных центров и крупных городов в повседневном общении используют вариант белорусско-русского интер-языка – трасянку.

Русский язык в Белоруссии гораздо более однороден, но также представлен несколькими вариантами. Литературный русский в сво-

их письменной и разговорной формах распространен повсеместно, однако степень владения им варьируется от хорошего литературного языка, максимум с легкой белорусской интонацией, до сильно смешанной речи, которая уже скорее относится к трасянке (то есть смеси русского и белорусского языков). Как мы уже отмечали, в Белоруссии абсолютное большинство населения на бытовом уровне использует русский язык. При этом более 4/5 населения родным языком определяет белорусский. Налицо тенденция резкого роста популярности русского языка на протяжении последнего десятилетия за счет сокращения сферы применения белорусского.

Следует также обратить внимание на стремительную глобализацию языкового пространства Беларуси и включение иностранных языков, прежде всего английского, в сферы внутринациональной коммуникации. «Эти процессы затрагивают сферы образования, науки, бизнеса и т. д., что, с одной стороны, способствует расширению языковой компетенции белорусского общества и расширяет возможности международного сотрудничества в различных сферах, но, с другой стороны, таит в себе опасность вытеснения национального языка на этнокультурную периферию» [Лукашенец, 2019, с. 7]. Тем более, что подобный вариант развития языковой ситуации уже наблюдался с середины 30-х гг. XX в., когда по-

сле мощной белорусизации и начала развития коммуникативных функций БЯ, стал происходить такой же резкий возврат к употреблению и коммуникативному преобладанию русского языка.

Недостатки по внедрению белорусского языка как основного коммуникативного инструмента в Советской Белоруссии в 20-30-е гг. XX в. были связаны как с неумелым использованием принципов языкового планирования, так и с непониманием специфики формирования белорусского национального самосознания. Надо учесть тот факт, что для большевистского партийного аппарата белорусизация в значительной степени была политикой, необходимой для противодействия польскому влиянию. При этом мало учитывались реальные потребности населения, а больше следовали лозунгам, партийным идеям и целям партии большевиков. Своеобразие языковой ситуации современной Беларуси состоит в том, что при всей остроте языковой полемики, она не отягощена понастоящему национальным антагонизмом. Межэтнического противостояния в Беларуси нет ни по язы-

ковому вопросу, ни по вопросу национальной идентификации. Вопрос о белорусском и русском языках решается внутри белорусского народа, составляющего почти из 80 % населения Республики. Внешнеполитические факторы, белорусско-российские государственные взаимоотношения играют хотя и важную, но все же вторичную роль. Даже недавние события 2020 г., связанные с выборами Президента Республики Беларусь не стали триггером для перевода языковой дискуссии в поле политической борьбы, как это имело место на Украине. Тот факт, что по прошествии 100 лет с начала белорусизации, 3/4 признанных в тот период государственных языков все еще занимают значимые позиции в языковой коммуникации белорусов, при этом нет административного и общественного подавления языков. Все свидетельствует не столько о взвешенной государственной политике, сколько о толерантном отношении граждан РБ друг к другу и их общем стремлении сохранить национальное согласие и мир в стране.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Москва : Краф. 2000. 224 с.
2. Алпатов В. М. Язык и общество в XXI веке // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция Москва, 16–19 сентября 2014 г. Москва : Институт языкознания РАН, 2014. С. 12–24.
3. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74, № 1. С. 3–10.
4. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.

5. Баталко Т. И. Особенности национально-культурной политики белорусизации (психологический аспект) // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 93-100.
6. Беликов В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
7. Белстат: для 61,2 % белорусов родной язык – белорусский // БЕЛТА : сайт 2020.10 сент. URL: <https://www.belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-beloruskij-406281-2020/>. (Дата обращения: 27.01.2021).
8. Борисёнок Е. Ю. Языковая политика УССР в условиях коренизации // Славянский альманах. 2017. № 3-4. С. 144-164.
9. Борисёнок Е. Ю. Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине: апогей советской украинизации (1925-1928). Москва : Родина, 2021. 320 с.
10. БССР // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
11. Васильев И. Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ // Исторический формат. 2016. № 2. С. 185–194.
12. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
13. «В той же степени «искусственный» язык, что и русский»: мифы и правда о белорусской мове // Наука. URL: https://naukatv.ru/articles/pod_ugroznoj_ischeznoventiya_beloruskij_i_russkij_v_belorussii. (Дата публикации: 08.09.2020).
14. Григорьев Евгений. История коренизации // Историк. 2015. № 7-8. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/7/istoriya-korenizatsii-81.html>. (Дата обращения: 04.03.2021).
15. Зеленкова А. И. Гомельщина многонациональная (20-30-е годы XX века). Вып. II / А. И. Зеленкова, М. И. Старовойтов. Гомель : БелГУТ, 2000. 155 с.
16. Капеллер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / пер. с нем. С. Червонной. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
17. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии // Вопросы языкознания. 2002а. № 2. С. 109–127.
18. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Москва, 2002б. 129 с.
19. Курьян З. С. Подходы к реализации национальной политики БССР в 20-е - 30-е годы (на примере Мозырского округа) // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы”: матэрыялы III міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гомель, 30.09 – 1.10. 2010 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны; рэдкал.: Р. Р. Лазько (адказны рэд.) [і інш.]. Гомель, 2010. С. 220-225.
20. Ласточкина В. Б. Национальная политика Советского государства в 1920-1930 годы // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 6. С. 45-48.

21. Лебедкин М. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Русского географического общества. Санкт-Петербург, 1861. Кн. III. С. 18–36.
22. Лисковец И. В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку. Санкт-Петербург, 2006. 22 с.
23. Лукашанец А. Праявы моўнай глабалізацыі ў славянскім словаўтварэнні: сутнасць, маштаб і ўплыў на сістэму // Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне = Globalization and Slavic Word Formation : XVI Міжнар. з’езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018) : тэат. блок / [А. А. Лукашанец і інш. ; навук. рэд. А. А. Лукашанец] ; Нац. акад. навук Беларусі, Беларус. кам. славістаў, Каміс. па славян. словаўтварэнні. Мінск, 2019. С. 4–15.
24. Лю Сяньчжун Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. 2014. № 1. С. 41–49.
25. Мечковская Н. Б. Белорусский язык: социолингвистические очерки. München : verlag Otto Sanger, 2003. 156 с.
26. Население по национальности и языку, на котором обычно разговаривают дома. Перепись населения Республики Беларусь 2009 г. 12.08.2010. URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf. (Дата обращения: 08.02.2022).
27. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 20. Д. 97.
28. Одиноченко В. Языковая ситуация в современной Беларуси. 2014.11.24. URL: <http://geopolitika.lt/?artc=7035>. (Дата обращения: 07.02.2022).
29. Падлужны А. І. Праблемы варыянтнасці беларускай літаратурнай мовы // Беларуская мова у другой палове XX стагоддзя. Мінск : БДУ, 1998. С. 28-326.
30. Пань Ю. Динамика языковой ситуации в Беларуси и белорусский язык в мире в контексте инициативы «Один пояс один путь» / Пань Ю., А. А. Лукашанец // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серія гуманітарных навук. 2021. Т. 66, № 2. С. 188–199.
31. Пичета И. И. «История белрусского народа довольно своеобразна». Доклад В. И. Пичеты «25-летие создания Белорусской СССР». 1944 г. // Исторический архив, 2016. № 13. С. 32-58.
32. Пушкин А. И. Формирование и развитие государственной политики БССР в отношении национальных общностей (1920–1930-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3 (37). С. 115-124.
33. Розенблат Е. Евреи Беларуси: основные тенденции демографических изменений XX века / Е. Розенблат, И. Еленская. URL: https://idun.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15413/home_conferences/2015_Seminar_po_cerkovnym_knigam/preprinty_i_prezentacii/Rozenblat.pdf. (Дата обращения: 11.02.2022).
34. Словарь социолингвистических терминов. Москва : Институт иностранных языков, 2006. 312 с.
35. Статистический справочник СССР. 1927. ЦСУ СССР. Москва : Центр. стат. упр., 1927. С. 32-33.

36. Турчина И. Доля книг, издаваемых на белорусском языке, составляет 10-11 %. [DB/OL]. <https://news.tut.by/society/434177.html>. (Дата обращения: 11.02.2022).

Reference list

1. Alpatov V. M. 150 jazykov i politika = 150 languages and politics. 1917–2000. Moskva : Kraf. 2000. 224 s.

2. Alpatov V. M. Jazyk i obshhestvo v XXI veke = Language and society in XXI century // Jazykovaja politika i jazykovye konflikty v sovremennom mire. Mezhdunarodnaja konferencija Moskva, 16–19 sentjabrja 2014 g. Moskva : Institut jazykoznanija RAN, 2014. S. 12-24.

3. Alpatov V. M. Jazykovaja politika v Rossii i mire = Language policy in Russia and the world // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2015. T. 74. № 1. S. 3–10.

4. Aref'ev A. L. Russkij jazyk na rubezhe XX–XXI vekov = The Russian language on the turn of XX–XXI centuries. Moskva : Centr social'nogo prognozirovanija i marketinga, 2012. 482 s.

5. Batako T. I. Osobennosti nacional'no-kul'turnoj politiki belorusizacii (psihologicheskij aspekt) = Specifics of the national cultural policy of Belarusization (psychological aspect) // Narody i religii Evrazii. 2018. № 1 (14). S. 93-100.

6. Belikov V. I. Sociolingvistika = Sociological linguistics : uchebnik dlja vuzov / V. I. Belikov, L. P. Krysin. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. 439 s.

7. Belstat: dlja 61,2 % belorusov rodnoj jazyk – belorusskij = Belstat: Belarusian is the native language for 61.2% of Belarusians // BELTA : sajt 2020.10 sent. URL: <https://www.belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-belorusskij-406281-2020/>. (Data obrashhenija: 27.01.2021).

8. Borisjonok E. Ju. Jazykovaja politika USSR v uslovijah korenizacii = Language policy of the UkrSSR in the conditions of indigenization // Sla-vjanskij al'manah. 2017. № 3-4. S. 144-164.

9. Borisjonok E. Ju. Stalinskij prokonsul Lazar' Kaganovich na Ukraine: apogej sovetskoj ukrainizacii (1925-1928) = Stalin's proconsul Lazar' Kaganovich in Ukraine: the apogee of Soviet Ukrainianization (1925-1928). Moskva : Rodina, 2021. 320 s.

10. BSSR = BSSR // Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe). F. 1562. Op. 336. D. 257.

11. Vasil'ev I. Ju. Ukrainizacija i korenizacija: razlichie i shodstvo programm = Ukrainization and indigenization: differences and similarities of programs // Istoricheskij format. 2016. № 2. S. 185–194.

12. Vahtin N. B. Sociolingvistika i sociologija jazyka = Sociolinguistics and language sociology / N. B. Vahtin, E. V. Golovko. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaja Akademija, Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 2004. 336 s.

13. «V toj zhe stepeni «iskusstvennyj» jazyk, chto i russkij»: mify i pravda o belorusskoj move = “Just as 'artificial' as the Russian language”: myths and truth about the Belarusian language // Nauka. URL: https://naukatv.ru/articles/pod_ugroz_izscheznoventiya_belorusskij_i_russkij_v_belorussii. (Data publikacii: 08.09.2020).

14. Grigor'ev Evgenij. Istorija korenizacii = Grigoriev Evgeny. History of indigenization // Istorik. 2015. № 7-8. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/7/istoriya-korenizatsii-81.html>. (Data obrashhenija: 04.03.2021).

Советская политика «коренизации» и ее влияние на языковую ситуацию в Беларуси 43

15. Zelenkova A. I. Gomel'shhina mnogonacional'naja (20-30-e gody XX veka). Vyp. II = Multinational Gomel'shchina (20s-30s of the XX century). Issue II / A. I. Zelenkova, M. I. Starovojtov. Gomel' : BelGUT, 2000. 155 s.
16. Kapeller A. Rossija – mnogonacional'naja imperija: vzniknovenie, istorija, raspad = Russia as a multinational empire: origin, history, disintegration / per. s nem. S. Chervonnoj. Moskva : Progress-Tradicija, 2000. 342 s.
17. Korjakov Ju. B. Jazykovaja situacija v Belorussii = Linguistic situation in Belarus // Voprosy jazykoznanija. 2002a. № 2. S. 109–127.
18. Korjakov Ju. B. Jazykovaja situacija v Belorussii i tipologija jazykovyh situacij = Linguistic situation in Belarus and linguistic situations typology. Moskva, 2002b. 129 s.
19. Kur'jan Z. S. Podhody k realizacii nacional'noj politiki BSSR v 20-e - 30-e gody (na primere Mozyr'skogo okruga) = Approaches to national policy of the BSSR in the 1920s-30s (the example of the Mozyr district) // Belarus' i susedzi: gistorychnyja shljahi, uzaemadzevanje i ŷcaemaŷplyvy": matjeryjaly III mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi, Gomel', 30.09 – 1.10. 2010 g. / Gomel'ski dzjarzh. un-t. imja F. Skaryny; rjedkal.: R. R. Laz'ko (adkazny rjed.) [i insh.]. Gomel', 2010. S. 220-225.
20. Lastochkina V. B. Nacional'naja politika Sovetskogo gosudarstva v 1920-1930 gody = National policy of the Soviet state in the 1920s and 1930s // Problemy sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. № 6. S. 45-48.
21. Lebedkin M. O plemennom sostave narodonaselenija Zapadnogo kraja Rossijskoj imperii = On the tribal composition of the population in the Western Region of the Russian Empire // Zapiski Russkogo geograficheskogo obshhestva. Sankt-Peterburg, 1861. Kn. III. C. 18–36.
22. Liskovec I. V. Russkij i belorusskij jazyki v Minske: problemy dvujazychija i otnoshenija k jazyku = Russian and Belorussian in Minsk: problems of bilingualism and attitudes to the language. Sankt-Peterburg, 2006. 22 s.
23. Lukashanec A. Prajavy moŷnaj glabalizacyi ŷ slavjanskim slovaŷtvarjenni: sutnasc', mashtab i ŷplyŷ na sistjemu // Glabalizacyja i slavjanskae slovaŷtvarjenje = Globalization and Slavic Word Formation : XVI Mizhnar. z'ezd slavistaŷ (Serbija, Bjalgrad, 19–27.08.2018) : tjemat. blok / [A. A. Lukashanec i insh. ; navuk. rjed. A. A. Lukashanec] ; Nac. akad. navuk Belarusi, Belarus. kam. slavistaŷ, Kamis. pa slavjan. slovaŷtvarjenni. Minsk, 2019. S. 4–15.
24. Lju Sjan'chzhun Pljusy i minusy politiki «korenizacii» SSSR v 1920-e gody = Pros and cons of the “indigenization” policy in the USSR in the 1920s // Ojkumena. 2014. № 1. S. 41–49.
25. Mechkovskaja N. B. Belorusskij jazyk: sociolingvističeskie očerki = The Belarusian language : Sociolinguistic sketches. München : verlag Otto Sanger, 2003. 156 s.
26. Naselenie po nacional'nosti i jazyku, na kotorom obyčno razgovarivajut doma. Perepis' naselenija Respubliki Belarus' 2009 g. 12.08.2010 = Population by nationality and language commonly spoken at home. Population Census in the Republic of Belarus 2009. 12.08.2010. URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.9-0.pdf. (Data obrashhenija: 08.02.2022).

27. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 4p. Op. 20. D. 97 = National archives of the Republic of Belarus (NARB). F. 4p. Op. 20. D. 97.
28. Odinochenko V. Jazykovaja situacija v sovremennoj Belarusi. 2014.11.24 = Linguistic situation in modern Belarus. 2014.11.24. URL: <http://geopolitika.lt/?artc=7035>. (Data obrashhenija: 07.02.2022).
29. Padluzhny A. I. Problemy varyajantnasci belaruskaj literaturnaj movy // Belaruskaja mova u drugoj palove XX stagoddzja. Minsk : BDU, 1998. S. 28-326.
30. Pan' Ju. Dinamika jazykovej situacii v Belarusi i belorusskij jazyk v mire v kontekste iniciativy «Odin pojas odin put'» = Language dynamics in Belarus and the Belarusian language in the world in the context of the “One Belt, One Road” initiative / Pan' Ju., A. A. Lukashenec // Vesci Akademii navuk Belarusi. Serija gumanitarnyh navuk. 2021. T. 66, № 2. S. 188–199.
31. Picheta I. I. «Istorija belrusskogo naroda dovol'no svoeobrazna». Doklad V. I. Pichety «25-letie sozdaniya Belorusskoj SSSR». 1944 g. = “The history of the Belarusian people is quite peculiar”. V. I. Picheta's report “The 25th anniversary of the Belorussian SSR creation”. 1944 // Istoricheskij arhiv, 2016. № 13. S. 32-58.
32. Pushkin A. I. Formirovanie i razvitie gosudarstvennoj politiki BSSR v otnoshenii nacional'nyh obshhnostej (1920–1930-e gg.) = Formation and development of the BSSR state policy in relation to national communities (1920-1930s) // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3 (37). S. 115-124.
33. Rozenblat E. Evrei Belarusi: osnovnye tendencii demograficheskikh izmenenij XX veka = Jews in Belarus: the main trends of demographic changes in XX century / E. Rozenblat, I. Elenskaja. URL: https://idun.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15413/home_conferences/2015_Seminar_po_cerkovnym_knigam/preprinty_i_prezentacii/Rozenblat.pdf. (Data obrashhenija: 11.02.2022).
34. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov = Dictionary of sociolinguistic terms. Moskva : Institut inostrannyh jazykov, 2006. 312 s.
35. Statisticheskij spravocnik SSSR = USSR statistics reference book. 1927. CSU SSSR. Moskva : Centr. stat. upr., 1927. S. 32-33.
36. Turchina I. Dolja knig, izdavaemyh na belorusskom jazyke, sostavljaet 10-11 % = The percentage of books published in Belorussian is 10-11%. [DB/OL]. <https://news.tut.by/society/434177.html>. (Data obrashhenija: 11.02.2022).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted on 31.01.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication on 25.02.2022